

САНГХА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

THE SANGHA AND THE POLITICS OF PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA

Иванна В. Отрощенко

Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
Национальной академии наук Украины

Ivanna V. Otroshchenko

A. E. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences, Ukraine

В период Тувинской Народной Республики (1921–1944 г.) процессы реформирования буддийских общин в стране проходили в рамках обновленческого движения, как и в буддийских автономиях СССР и Монгольской Народной Республики. Такие подходы в «ламском вопросе» были детерминированы фактором советского влияния в Туве (советское руководство рассчитывало при помощи обновленческого движения ослабить позиции буддийских общин). Таким образом, модернизация в этом направлении иницировалась извне и руководствовалась политическими соображениями (хотя и была поддержана рядом авторитетных лам). Реформаторские замыслы не получили своего развития вследствие радикальных политических изменений в Туве, имевших место в 1930-е гг. и затронувших и религиозную сферу.

Приведенная в статье статистика свидетельствует, что буддийская община пребывала в непосредственной зависимости от внутреннеполитического курса ТНР: от относительного благополучия во второй половине 1920-х гг., кардинального уменьшения лам и монастырей в конце 1920 — начале 1930-х (во время первой волны репрессий и карательной

Under the People's Republic of Tuva (PRT, 1921-1944) reforming the Buddhist religious community took shape of 'modernization' (obnovlenchestvo), just as it also happened in the Buddhist-dominated regions of the USSR and Mongolian People's Republic. Such an approach to the 'lama issue' was taken under pressure from the Soviet leadership, who tried to use the 'modernizers' against the influence of the Buddhist clergy. Thus the modernization was initiated from outside and was motivated by political considerations, although endorsed by several authoritative lamas. Radical political change in Tuva during the 1930s stopped the religious modernization in its tracks.

The statistics we cite shows that the welfare of the Buddhist community directly depended on the internal policy of the PRT: from relative well-being in mid-1920s it went to a sharp decline in the clergy and monastic communities during the first wave of punitive policy and repressions (late 1920s – early 1930s), then to a somewhat relaxed policy that led to the revival of the sangha during the 'new deal',

Отрощенко Иванна Витальевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины; главный редактор журнала «Східний світ» («Мир Востока»). Адрес: 01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4, к. 215. Эл. адрес: shidnyj.svit@gmail.com

Otroshchenko Ivanna Vitalievna, Doctor of History, Leading Research Fellow, Department of the Far East, Institute of Oriental Studies, A.E. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences, Republic of Ukraine; Editor-in-Chief, Skhidnii Svit (Mir Vostoka). Postal address: Apt. 215, 4 Grushevsky St., 01001 Kiev, Ukraine. Email: shidnyj.svit@gmail.com

политики в религиозной сфере), некоторого восстановления сангхи в результате т. н. «нового курса» и до очередного упадка во время репрессий второй половины 1930-х гг. Восстания 1924-го и 1932-го гг. в Туве (значение последнего было усилено большим восстанием в МНР) вызывали некоторое смягчение государственной политики в религиозном вопросе.

В целом же основные направления религиозной политики ТНР и время их приведения в жизнь совпадают с аналогичными процессами в Бурятии, Калмыкии и МНР. Можно заключить, что небольшое количество тувинских монастырей и живущих при них лам послужило причиной для радикального решения государством вопроса с буддизмом в Туве еще в начале 1930-х гг., тогда как в других буддийских республиках сокрушительный удар по сангхе пришелся на вторую половину 1930-х гг.

Статья базируется на архивных документах Российского государственного архива социально-политической истории, ряд сведений из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; Монгольская Народная Республика; обновленческое движение; сангха; лама; монастырь; шаман; борьба с религией; национализация

and to a new low during the repressions of the later 1930s. The Tuva uprisings of 1924 and 1932 (with the latter made still more important by the large uprising in Mongolia) led to a certain easing of the repressive state policy on religion.

On the whole, the main features of the religious policy in the PRT, as well as the timing of their implementation, coincide with the analogous developments in Buryatia, Kalmykia and Mongolian People's Republic. We can conclude that the radical solution to the Buddhist issue in Tuva was chosen as early as at the start of the 1930s due to the relatively small number of monastic communities and lamas living therein. The crushing blow on the sanghas of other Buddhist regions was dealt at the end of the same decade.

Our study made use of archival sources from the Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI), including some previously unpublished.

Keywords: People's Republic of Tuva (PRT); history of Tuva; Mongolian People's Republic; religious modernization (obnovlenchestvo); sangha; lama; monastic community; shaman; struggle against religion; nationalization

Введение

Недолгая история Тувинской Народной Республики (1921–1944) во многих своих аспектах остается на сегодня недостаточно освещенной. Одним из таких аспектов является функционирование буддийской общины в условиях постепенно формирующегося тоталитарного государства. Исходя из небольшого количества источников (значительная часть которых остается засекреченной), не всегда удается определить даже общее количество тувинских лам (в частности, живших при монастырях) и самих монастырей в 1920–1930-е гг. С помощью собранных архивных данных автор надеется пополнить имеющуюся статистику и исторические сведения относительно буддийской общины ТНР.

Тувинская сангха и государство в 1920-е гг.: из истории взаимодействия

Из немногих источников, дошедших до нас с того времени, известно, что в Туве в 1920-е гг. ламы и монастыри были освобождены от налогообложения, тибетская медицина финансировалась из госбюджета, число хурэ увеличилось. Тувинские ламы, как и ламы в МНР, становились не только преподавателями,

врачами, служащими, но и входили в состав новых политических структур, по крайней мере, дважды возглавляли страну. Ламам даже было поручено создание национальной письменности.

Одной из причин такого мирного временного сосуществования была непростая политическая обстановка в Туве. Вызовы, с которыми сталкивалась тувинская власть и поддерживавшее ее советское руководство, корректировали внутривластные политические курсы ТНР, в частности в религиозном вопросе. Летом 1924 г. советник советского посольства в Туве П. Медведев рекомендовал руководителям Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) взять решительный курс на изживание религии как пережитка прошлого. Глава правительства М. Буян-Бадыргы и его коллеги возразили, что буддизм является неотъемлемой частью тувинской культуры и образа жизни, поэтому крайние меры в этом деликатном вопросе не могут быть допущены (Монгуш, 2001: 101). Беседа эта происходила, судя по всему, в период, когда в Туве бушевало Хемчикское восстание, что само по себе было веским поводом воздержаться от непродуманных и резких шагов.

12 августа 1924 г. в Кызыл съехались около 500 человек со всех тувинских хошунов, которые в течение следующих двух суток обсуждали с представителями власти, СССР и МНР вопросы, беспокоившие как повстанцев, так и все общество (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 1, л. 21). Среди таких вопросов как налоги, принудительная отправка девочек в школы, заявление Тес-Хемского и Салчацкого хошунов с просьбой о присоединении Тувы к Монголии, упоминались и притеснения в религиозной сфере. По-видимому, принимая во внимание и сказанное на этом совещании, Полномочной комиссией ЦИК СССР была разработана тайная инструкция советскому консулу в Туве И. Чичаеву, Районному бюро РКП(б) и президиуму исполкома РСТК от 15 августа 1924 г. Согласно этой инструкции, в частности, надлежало стремиться к культурному и политическому сближению с тувинским народом и правительством, поддерживать их во всех культурных и политических начинаниях, избавляться от «колонизаторских настроений», но в то же время как в партийной, так и в государственной работе избегать всего, что вносит в быт тувинского народа чересчур резкую ломку, оскорбляя его религиозные и национальные чувства (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 1, л. 26–27).

Судя по некоторым документам, можно говорить об определенном патронировании сангхи со стороны ЦК ТНРП в последующие годы. Так, в конце 1924 — начале 1925 г. почти во всех тувинских хурэ среди молодых лам наблюдались как склонность к перекочевке из одних хурэ в другие, так и окончательный выход из духовного сословия (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). По мнению автора, объяснением такой ситуации служат события в Монголии, где осенью 1924 г. на I Великом Хурале была принята Конституция и провозглашен респу-

бликанский строй. Ощутимый удар был нанесен по политическим, социальным и экономическим позициям монгольского духовенства. Провозглашение Монголии республикой законодательно оформило решение об упразднении теократической монархии, следствием которого стало прекращение поисков будущих реинкарнаций Богдо-гегена. Это свидетельствовало о прекращении правящими структурами многовековой религиозной традиции, которая занимала важное место в жизни монгольского и тувинского народов. В МНР после 1924 г. начался массовый исход лам из монастырей. Через полгода после I Хура-ла некоторые монгольские хубилганы (реинкарнации (перевоплощения) выдающихся деятелей буддизма или персонажей пантеона) даже подали заявление о сложении своего духовного звания, но с условием, чтобы это не расценивалось как намерение полностью игнорировать религию. По словам советского журналиста А. Полторацкого, культурное ядро монгольского Революционного союза молодежи составляли юноши, некогда отданные в монастырские школы и вышедшие оттуда в результате событий 1924 г. (Отрощенко, 2000: 178).

Не имея возможности повлиять на сложившуюся ситуацию, тувинские ламы обратились за помощью к ЦК ТНРП. Его глава Шагдыр созвал при ЦК совещание для рассмотрения главным образом «ламского вопроса», на котором присутствовали около 20 лам. Совещание постановило: запретить вышеупомянутую перекочевку, а желающие оставить духовное сословие подлежали тюремному заключению сроком до 3-х месяцев либо уплате штрафа в 35 (36) лан в месяц (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66; см. также: Монгуш, 2001: 101). За свою инициативу Шагдыр в скором времени был снят с должности главы ЦК ТНРП и отправлен на работу в хошун в знак наказания (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). Как известно, М. Шагдыр, в октябре 1924 г. избранный главой ЦК ТНРП, занимал эту должность в течение года.

Постановление разослали по хурэ и им ламство руководствовалось до начала буддийского съезда. Автору сложно пока сказать, съезд какого года имеется в виду в документе — большой съезд 1928 г. или более раннее собрание. Например, в Протоколе IV съезда ТНРП (14–19.10.1925) упоминается, что на 2-м заседании (15.10.1925) ЦК ТНРП было признано необходимым поддерживать религию. С этой целью был устроен съезд лам (по 1 человеку от монастыря), постановления которого, состоящие из 13 пунктов, разослали на места (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 8 об.).

Правящие структуры ТНР, поддерживая сангху в середине 1920-х гг., в то же время с недоверием относились к отдельным ее представителям. Информационная сводка Управления государственной внутренней политической охраны (УГВПО) ТНР за март 1927 г. сообщает нам о судьбе первого камбы-ламы (верховного ламы. — ред.) Тувы, неординарного общественного и политического деятеля 1910-х гг., Лопсана Чамзы (больше о нем см.: Отрощенко, 2014: Элек-

трон. ресурс) уже во времена ТНР. Там рассказывается, что полтора-два месяца тому среди тувинцев, особенно в районе Хемчика, стали циркулировать слухи об ожидаемом возвращении камбы-ламы, бежавшего из Тувы после Хемчикского восстания (1924 г.) и проживавшего на первых порах в Монголии и в последнее время — в Тибете. В начале апреля 1927 г., когда выяснилось, что Лопсан Чамзы планирует возвратиться в Туву, ламство Хемчикского района намеревалось устроить ему встречу и обратилось за разрешением на въезд для влиятельного ламы к правительству. Премьер-министром ТНР в то время был К. Дондук, некогда лама Верхне-Чаданского хурэ. Советский переводчик Г. Банзаракцаев, работавший в Туве во второй половине 1920-х гг., так характеризовал К. Дондука Восточному отделу Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее — ИККИ): «бывший лама с достаточным духовным образованием. Окончательного разрыва с духовенством не имеет» (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 26, л. 3). Итак, во время предварительной беседы на эту тему К. Дондук сказал, что «никаких встреч устраивать не следует. Если ему хочется возвратиться на родину, пусть едет» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 84). Лопсану Чамзы припомнили связь с белогвардейцами, приписывали симпатии к китайцам. Бывшего горячего сторонника российского покровительства над Урянхайским краем теперь называли идейным вдохновителем Хемчикского восстания. Поговаривали даже, что его возвращения большая часть населения рассматривала как предвестник «опять каких-нибудь бед» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л.84). Камбы-лама возвращался вместе с двумя спутниками, один из которых уже вроде бы прибыл в Верхне-Чаданское хурэ. Прибытия самого Лопсана Чамзы ожидали в мае, приписывая в конце этой информации: «(приняты меры наблюдения)» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 84). Хемчикский иерарх все же вернулся в Туву, но его участие в важных общественно-политических мероприятиях, насколько можно понять из дальнейших событий, было ограничено.

Идеи обновленческого движения в Туве

На одном из заседаний ЦК ТНРП в декабре 1924 г. обсуждалась необходимость оздоровления религии. Такая постановка вопроса апеллировала к идеологии обновленческого движения. Это течение оформилось в 1922 г. на 1-м Буддийском соборе в Ацагатском дацане (Бурятия) и привело к глубокому расколу среди бурятского духовенства на сторонников реформ (обновленцев), которые стремились примирить вероучение с советской действительностью и приблизить его к начальному, «чистому» учению Будды, и их противников (консерваторов). Обновленцы планировали реформу административного управления церкви на принципах выборности, обновления системы религиозного образования и т. д. Модернизированный буддизм должен был также освободиться от внешних атрибутов традиционной религии: храмов, богов, обрядов и священ-

ников (Герасимова, 1995: 25). Движение было лояльным к советской власти. В то же время советское руководство не разделяло главного тезиса движения о «тождестве буддизма и коммунизма». При помощи обновленцев партия планировала, с одной стороны, разложить ламство, а с другой — влиять на «центры буддизма» за пределами СССР, в Монголии и Тибете, в частности на главу «желтой веры» — далай-ламу (Андреев, 1997: 237–238).

Как известно, на Всесоюзном съезде буддистов за основу проекта Всесоюзного Устава и Положения о буддийском духовенстве СССР был взят именно проект обновленцев Бурятии. В течение 1920-х гг. в распоряжение последних перешла большая часть дацанов Бурят-Монголии, имели место попытки создания трудовых ламских коммун. Но движение не поддержало большинство верующих и буддийского духовенства, прежде всего в самой Бурят-Монголии, и оно пошло на спад на рубеже 1920–1930-х гг., оказавшись также неприемлемым с позиций господствовавшей идеологии.

Обновленческое движение было неоднозначным историческим явлением. Это реформаторское течение в условиях того времени превратилось в еще один способ идеологической борьбы с буддийской церковью. В 1920-х гг. идеи обновленческого движения, кроме Бурятии, получили некоторое распространение в Калмыкии и Монголии.

Информационная сводка УТВПО за март 1927 г. сообщала, что в некоторых хурэ, за исключением Хемчикского района, отмечается тенденция созвать общий съезд ламства Тувы для обсуждения в основном дела религии за последнее время (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 25, л. 62). В районах Тоджинского и Каа-Хемского хошунов фиксировались нарекания со стороны ламства в адрес правительства, обвинение последнего в том, что оно не оказывает ламству содействия. По словам Н. Москаленко, тувинский премьер пришел к мысли, что среди ламства нужно произвести «кое-какой переворот» и в течение почти всего 1927 года собирал соответствующий материал о духовенстве, держа его в секрете от всех и, прежде всего, от лам (Москаленко, 2004: 108). По мнению автора, не исключено, что именно возвращение авторитетного и оппозиционного правительству Лопсана Чамзы подтолкнуло тувинское руководство к мыслям о необходимости реформировать сангху и снизить роль ламских иерархов. Как речь пойдет ниже, на съезде, в частности, была принята резолюция, согласно которой надлежало полностью упразднить должности бывших больших лам.

Осенью 1927 г. в беседе К. Дондука с советским полпредом А. Старковым был затронут вопрос о ламстве, что побудило к официальной постановке этого вопроса на одном из заседаний правительства Тувы в начале декабря 1927 г. (больше об этом заседании см.: там же: 108–109). Была создана специальная комиссия, ответственная за сбор сведений о положении сангхи, монастырей и их хозяйств, утверждение состава делегатов будущего съезда и т. п. Судя по

всему, такая информация действительно собиралась и базировалась на определенных критериях: так один из делегатов 1-го Буддийского съезда, который представлял хурэ из Тесингольского (Оюннарского) хошуна, рассказывал, что в 1928 г. среди них делали перепись по правительственному поручению, но женатых лам не записывали. В результате вышло, что в хурэ до переписи насчитывалось 100 лам, а после переписи осталось лишь 9 (все остальные были женаты) и хурэ чуть не распалось (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 30). Такие свидетельства ставят под вопрос имеющиеся цифры по количеству тувинских лам, в частности те, которые были оглашены во время съезда: похоже, считали, прежде всего, именно монастырских лам, где-то могли не посчитать женатых представителей монастырей.

8–12 марта 1928 г. в Туве прошел 1-й Буддийский съезд, поставивший своей целью обновить и очистить религию соответственно идеологии обновленческого движения. В. Мачавариани, представитель Коммунистического интернационала молодежи (КИМа) на IV съезде тувинского ревсомола (открылся 24 декабря 1928 г.), рассказывал про ламу Сивена — одного из наиболее передовых лам, сторонника самостоятельности Тувы и независимости тувинского ламства от тибетской иерархии (Мачавариани, Третьяков, 1930: 89). Гебши Сивен, учившийся в Монголии и владевший монгольским и тибетским языками, как и некоторые другие ламы, пребывал под влиянием обновленческого движения. Протоколы 1-го Буддийского съезда, ламы-делегаты которого представляли все хурэ Тувы, — одно из немногих свидетельств некоторого распространения этих идей и в ТНР. Делегатов было 33 человека, все они читали по-тибетски. Монгольской письменностью владели 7 лам, монгольским разговорным языком — 16. Половина из делегатов съезда обучалась в Монголии.

Интересно, что присутствие Лопсана Чамзы на буддийском съезде было нежелательным для тувинской власти, которая его побаивалась, принимая во внимание как большой авторитет хемчикского иерарха среди ламства, так и критику им всех действий правительства. Поэтому было решено лам в сане хамбо на съезд не приглашать (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 65). Выходит, к работе съезда из политических соображений не был допущен ряд влиятельных лам высокого ранга. Так Лопсан Чамзы, одна из главных фигур в планах реформирования основ тувинского буддизма 1910-х гг., из-за своего прошлого и независимой гражданской позиции, оказался вне нового проекта модернизации тувинской сангхи. Через два года, в мае 1930 г., он был расстрелян за «антинародную деятельность».

Судя по протоколам 1-го Буддийского съезда, в ТНР насчитывалось 3408 лам, из которых женатых — 591 (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 63). Во время работы съезда обсуждалось отделение церкви от государства, а также ряд политических вопросов. Премьер-министр ТНР К. Дондук не преминул упрекнуть

духовенство в недостаточной лояльности (намекая, возможно, на Лопсана Чамзы): «...перед Кемчикским восстанием было очевидно, что народ начинает дурить, ламство же, вместо того, чтобы сдержать, дурило вместе с народом и толкало его дальше...» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 12). Вот некоторые из реформаторских замыслов, звучавших на съезде. К. Дондук озвучил главные цели съезда: выяснить, что такое религия и каковы ее задачи, очистить религию от ненужного мусора и прогрессировать. Глава Государственной инспекции М. Буян-Бадыргы, выдающийся тувинский политический деятель, сказал: «Религия, как таковая, она правильная. Чистить нужно, но не саму религию, а чистить нужно лам и в будущем дать им соответствующее руководство» (цит. по: Нацов, 1930: 105). Еще один лидер партии Санжай отмечал: «Мы знаем что большинство хуре (монастырей) нуждается в кадре образованных лам; из этого положения выйти можно. Необходимо пригласить иностранных монахов, но ни в коем случае не пользоваться услугами женатых лам» (там же: 105).

Заметим, что в это время идеи обновленческого движения пользовались популярностью и среди политической элиты МНР. Национальные демократы, в свою очередь, признавали огромную роль буддизма в истории и мировоззрении монгольского народа, но требовали от религии того же «обновления», что и от общества, которое само находилось в состоянии перемен. Как для элиты, так и для населения невозможно было за считанные годы перейти от практически стопроцентной религиозности к воинствующему атеизму, на чем настаивали советские советники. В такой ситуации один из главных тезисов обновленцев о «тождестве буддизма с коммунизмом» был с интересом воспринят монгольской политической элитой. Такие положения признавали за буддизмом некоторые позитивные стороны и объясняли необходимость сохранения религии в новых условиях (больше см.: Отрощенко, 2000). Скорее всего, такими же соображениями руководствовались и тувинские политики.

О. Соднам, генсек ЦК ТНРП (1926–1928), поинтересовался, почему в Тибете и Монголии есть хубилганы, а в Туве нет? Гебши Сивен ответил, что, во-первых, не было высокопоставленных лам, во-вторых, не было выдающихся фигур, в-третьих, «просто не смогли» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 32). Он также заметил, что вообще-то перерожденцев быть не должно. На вопрос премьер-министра ТНР К. Дондука «Как буддизм смотрит на перерожденцев?» Сивен ответил так: в зависимости от поведения хубилганов — хорошего или плохого. На самом деле, и народ, и духовенство обычно прощали хубилганам любое поведение, поскольку даже проявление ярости могло оказаться проявлением функций гневного божества-защитника северно-буддийского пантеона. В то же время необходимость отказа от института хубилганов была одним из главных убеждений бурятских обновленцев. Именно гебши Сивен делал доклад об обновлении и оживлении желтой религии. Он предлагал разогнать женатых лам, созвать весь народ для избрания новых, основать при монасты-

рях свои тувинские школы, чтобы не ходить за учением в Тибет и Монголию, а в школах этих нужно учить не тибетской, а новой тувинской письменности, им изобретенной (Мачавариани, Третьяков, 1930: 90). Как говорилось в начале статьи, тувинским ламам было поручено создание национальной письменности. В результате в 1928 г. при участии чаданских лам (Сивена и Лопсан-Чимита) был составлен проект тувинской письменности на латинизированном алфавите (Пальмбах, 1935: 165).

Центральным вопросом, поднятым в докладе гебши Шойдона, ранее учившегося в Монголии и владевшего монгольским и тибетским языками, стало требование изгнания из хурэ женатых лам. Мол, сегодня лама, завтра простой мирянин, а послезавтра — никто.

«Это не ламы, а недоразумение. Лама должен быть ламой, и религия с женатым ламством никак не увязывается, она увязывается только с чистым (неженатым). Лучше выгнать тысячу грязных лам и оставить одного, но чистого, соответствующего этому званию, званию ламы, и все те, кто возмущается обновленческим движением, тот сознательно ведет религию к гибели» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 30).

Шаброл (лама из небольшого хурэ в Хемчикском районе, насчитывавшем всего 35 лам, двое из которых на момент съезда учились в Улан-Баторе) заметил, что учение Будды является современным учением, а современное, в свою очередь, есть революционным. Это подтверждает тот факт, что действия правительства и партии направлены к аратской массе, как и учение Будды. Итак, законы правительства и законы Будды — между собою одинаковы (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 44).

Напомним, что бурятские апологеты обновленческого движения считали, что «...для будущего нужны лишь основы буддизма, лишь те моменты, в которых он совпадает с проблемами современности» (цит. по: Дамдинов, 1997: 82). В выступлении тувинского ламы видим отзвук таких идей. Ламы, в частности, интересовались, можно ли отправить делегацию в Бурят-Монголию, чтобы изучить там обновленческое движение? (Мачавариани, Третьяков, 1930: 91).

Большинство делегатов стояли за обновленчество, 10–13 чел. — за изгнание из хурэ женатых лам; 10–12 чел. — за сохранение женатого ламства, остальные относились к этому вопросу нейтрально. Была принята резолюция, согласно которой надлежало полностью упразднить должности бывших больших лам, а для исполнения обязанностей хамбо и пр. «надлежит выбирать особенно умудренных лиц из действительных лам» (пункт 2 резолюции по докладу об основах религии) (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 55).

В резолюции по докладу Севена и докладам с мест, в частности, отмечалось: есть отдельные врачи, лечащие людей, и ламы разных монастырей, проводя-

щие религиозные службы, без специального образования, что недопустимо, а поэтому в дальнейшем соответствующему органу, который будет следить за этим, надлежит выдавать удостоверения ламам-врачам и пр.; для установления руководства и единого порядка в делах дацанов и монастырей и обновления в религиозных делах, необходимо создать центральный орган, ведающий религиозными делами. Поскольку в настоящее время законы и инструкции еще не изданы, надлежит издать для духовенства законоположения внутреннего распорядка и для временного руководства разными делами выбрать специальную комиссию. В обращении 1-го Буддийского съезда звучал призыв в течение двух месяцев провести точную перепись количества лам, а также количества скота и имущества монастырского и ламского, а также подытоживалось: «Все эти решения входят в законную силу и для проведения их просим общим усилием и единым стремлением приложить старание, а также обновить религию, которую с давних времен исповедует население, просим оказывать ей всемерную помощь в чистом и непорочном проведении ее» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 85). Избранный центральный орган духовного управления в составе 10 человек должен был приступить к работе через два месяца после съезда, т. е. в конце мая 1928 г.

По словам В. Мачавариани, Буддийский съезд успел сделать лишь одно: выбрать делегацию в Бурят-Монголию — очаг обновленческого движения. Делегация была отправлена за государственный счет (Мачавариани, Третьяков, 1930: 92). Представители от Тувы принимали участие в III съезде буддистов Бурят-Монголии, проходившем в августе 1928 г. в Верхнеудинске. Гебши Шойдон выступил с приветственным словом: «Мы счастливы тем, что на нашу долю ныне выпало величайшее счастье лично участвовать в Вашем соборе и установить взаимоотношения, приезжая из далекой страны Танну-Тува, что является доказательством того, что советской властью создана полная свобода совести» (цит. по: Москаленко, 2004, 110–111).

Безусловно, все это свидетельствует о стремлении к некоторой модернизации сангхи как в среде тувинского ламства, так и среди политиков ТНР. Отношение советской стороны к обновленчеству в ТНР можно уяснить благодаря информационной справке под названием «Тува», составленной советскими экспертами (дата на справке, стоящая за входным номером — 2 февраля 1929 г.) (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 35–42). Там, в частности, указывалось, что за последнее время среди тувинского ламства началось обновленческое движение, которое, по мнению авторов справки, при развитии его и умелом использовании со стороны партии и правительства может иметь значение в деле разложения ламства и подрыва его влияния на массы (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 36).

В мае 1928 г. Малый Хурал утвердил закон о том, что буддизм является государственной религией и впредь запрещается проведение антирелигиозной про-

паганды. Н. Москаленко пишет, ссылаясь на «Протоколы Первого буддийского собора ТНР» (Кызыл-Хото, 1929: 46–48), что в этот период число монастырей увеличилось с 22 до 26, а лам вместе с учениками насчитывалось около 3500 человек (Москаленко, 2004: 110). В научной литературе встречается и большее число тувинских монастырей, функционировавших в этот период. Автору за время работы с документами периода ТНР встречалась упоминание лишь 22 тувинских хурэ и от этой цифры он и предпочитает отталкиваться. В вышеупомянутой справке «Тува» сообщается, что значение и роль ламства в Туве по его численности и имущественному положению далеко меньшие, нежели в соседней Монголии: «Мы имеем следующие сведения о тувинском ламстве: лам — 2200 чел. (3,8% населения), скота монастырского и ламского — 13358 бод (3,2% всего скота)» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 36). Но было еще значительное количество лам, живших вне монастырей (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 148) и в указанную выше цифру, очевидно не вошедших. Автор в своем исследовании ориентируется на статистические данные, указанные в этой справке. В справочных материалах, подготовленных для доклада в Коминтерне (от 8.09.34, л. 71–105), сообщались несколько другие цифры: в 1928/1929 году в стране насчитывалось 22 монастыря (хурэ) с 3600 ламами. Кроме того, было еще значительное число лам, не живущих в монастырях (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93).

Борьба с религией в Туве в конце 1920-х – 1930-х гг.

Согласие между государством и сангхой продолжалось недолго. Платформа левых ТНРП к IV съезду Революционного союза молодежи и II Пленуму ЦК партии, переданная 24 декабря 1928 г. представителем Коминтерна при ЦК ТНРП С. Нацовым (который наверняка принимал непосредственное участие в ее составлении) В. Мачавариани, уже предлагала проводимую до сего времени политику в отношении монастырей и лам считать в корне неправильной. Предлагалось обложить государственным налогом монастыри и лам на общих основаниях со всем населением (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 27, л. 16). В то же время в 1928 г. представитель Коминтерна в Туве Г. Банзаракцаев отмечал, что борьба с ламами при умелой работе не так сложна и вообще они не так опасны, тем более, что тувинское духовенство не имеет в своих рядах великих «святых» или «живых богов», которые есть в Тибете и Монголии, а потому оно слабее и менее организовано (Харунов, 2009: 36).

С 1929 г. количество тувинских монастырей и проживавших в них лам стало катастрофично сокращаться в связи с политической линией власти, инспирированной советской стороной и Коминтерном. В реализации такой государственной политики печальную роль сыграл VIII съезд ЦК ТНРП (20.10–10.11.1929).

Так, во время работы съезда, 28 октября 1929 г., заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карахан отмечал: «При обсуждении на Монгкомиссии проекта письма ИККИ Тувинской НРП и вопроса о поездке в Туву т. Райтера было решено вопрос о конфискации выдвигать лишь в той мере, в какой он будет ставиться снизу, принимая меры к тому, чтобы разъяснить массам и парт. руководству необходимость соблюдения должной осторожности и тщательной подготовки с одной стороны и недопустимость переоценки тех результатов, которые конфискации может дать. Однако, из полученной телеграммы нашего поверенного в делах т. Старкова видно, что т. Райтер все же на съезде этот вопрос поставил, указав в своем докладе съезду, как на одну из основных задач, на ликвидацию влияния верхушечных слоев «путем конфискации скота монастырей, богатых лам и феодалов с выселением последних» (подчеркнуто в документе. — И. О.)» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 143). Отмечалось, что, включая в число объектов конфискации монастыри, И. Райтер, прибывший на VIII съезд ТНРП в качестве представителя Коминтерна, пошел даже дальше той постановки вопроса о конфискации, которая была выдвинута в отношении Монголии.

Полпред СССР в Туве А. Старков с группой сотрудников, в свою очередь, вполне резонно считали конфискации скота у монастырей равнозначной их фактическому закрытию. Это, по мнению полпреда, могло привести не к расколу, а к сплочению ламства и к смычке его с религиозной массой. Л. Карахан, со своей стороны, также предлагал воздержаться от конфискации монастырского имущества (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 143). В резолюции VIII съезда ТНРП по отчету ЦК, в частности, указывалось: необходимо и впредь сохранить особый подоходно-прогрессивный налог на ламско-монастырские хозяйства и ограничить их безвозмездное пользование земельными угодьями и народным имуществом (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 30, л. 74).

В конце 1920 — начале 1930-х гг. ТНРП инициировала, в частности, следующие меры в «ламском вопросе»:

- лишение тибетской медицины государственного финансирования (аналогичное решение было принято в э то же время в МНР);
- отмена всех привилегий, которыми пользовались ламы;
- отмена обязательного принудительного налога на население в пользу религиозных учреждений;
- объявление полной свободы вероисповедания и в связи с этим повышение возраста для вступления в хувараки ((монг. хувраг) ученик ламы, послушник дацана);
- объявление права свободного выхода лам из духовного сословия;
- возвращение избирательных прав хуваракам и ламам, оставившим духовное сословие;

- возвращение права «трудового землепользования» ламам, приступившим к «производственной» деятельности;
- освобождение от специального ламского налога тех лам, у которых основным занятием было сельское хозяйство.

Советский представитель при ЦК ТНРП В. Богданов докладывал (21.03.1930): «Мероприятия по ламскому вопросу, принятые нами (частичная национализация имущества монастырей, в связи с самозакрытием монастырей) тов. Чуцкаевым (уполномоченным представителем Коминтерна. — И. О.) одобрены. Намечающиеся мероприятия по вопросу имущества “джасс” в Монголии по существу сводятся к национализации. Запрещение распоряжаться “джассовским” имуществом самим ламам и их органам является почти национализацией. В связи с тем, что у нас ламство значительно слабее то т.т. Чуцкаевым и Кучумовым (в 1930 г. представитель Коминтерна в МНР. — И. О.) предложено провести полную национализацию имущества монастырей в Туве» (РГАСПИ. Ф. 495, оп.153, ед. хр. 37, л. 39).

Из НКВД отвечали (скорее всего, Л. Карахан), что полная национализация имущества монастырей в Туве — неверна: «В нашей резолюции мы рекомендовали усилить идейную борьбу с ламством, добиваться дифференциации среди лам и способствовать свободному выходу лам по их желанию из монастырей и ламского сословия с обязательным по закону выделением причитающейся им части общемонастырского скота и имущества» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 54). Помимо того представлялось целесообразным добиться такого положения, когда аратская беднота могла бы на выгодных условиях брать на выпас монастырский скот.

Постановление ЦК ТНРП об отделении церкви от государства (1930 г.) признавало необходимым национализацию имущества хурэ (Малому Хуралу предлагалось представить на обсуждение ЦК проработанную инструкцию о порядке проведения национализации), а также принятие проекта постановления про возрастное ограничение для лиц, желающих стать хувараками и ламами (до 18 лет — «не отдавать, не учить, не пускать на службы») (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 43, л. 1–2). В МНР закон, запрещавший вступление в монастыри несовершеннолетних приняли позже — в 1933 г. и он был воспринят народом как акт, направленный на полное уничтожение религии. В целом же в Туве ламы и шаманы трактовались в то время как «непреданные революции элементы», в одном ряду с нойонами, эксплуататорами, спекулянтами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 27–32). Несмотря на принятие вышеупомянутого постановления про отделение церкви от государства, в том же 1930 г. отдельные работники органов власти продолжали собирать необходимое для служб в хурэ.

Следом за принятием всех вышеперечисленных мер начался массовый исход

лам из монастырей, соответственно последние один за другим стали закрываться, а их имущество — расхищаться. Наблюдая за этим, власть вынуждена была стать на путь объявления имущества джас (монастырских хозяйств) имуществом всенародным и не подлежащим распределению без отдельного постановления правительства. Вопрос о наделении джаским имуществом неимущих лам, оставивших монастыри, был поставлен в августе 1930 г., после получения резолюции Восточного секретариата КИ.

При воплощении на местах решений VIII съезда ЦК ТНРП были случаи, когда отдельные партийные ячейки, сомонные и хошунные управления запрещали религиозные службы, врачебную деятельность лам и т. д. Имело место изъятие танок (буддийских икон), их сожжение, отбирание предметов культа у монастырей, опрос и арест лам и шаманов за исполнение религиозных обрядов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 42). По словам М. Монгуш, в 1930 г. вышел правительственный указ, требующий добровольной сдачи бурханов и иных культовых принадлежностей, имеющих в личном пользовании. Для выполнения этого указа создавались специальные группы из молодых ревсомольских работников, которые конфисковали у аратов их семейные реликвии, буддийскую литературу и т. д., последние же, в ответ, прятали такие вещи в пещерах (Монгуш, 2001: 114).

Вот отрывок из письма, датированного 4 февраля 1930 г., который иллюстрирует обстановку в ТНР накануне Хемчикского восстания 1930 г.: «...власти на местах, выполняя решения партии в ударном порядке, ходили по юртам и отбирали всяких богов, а когда им за это накрутили, то они стали богов снова разносить по юртам...» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 36, л. 1).

В сентябре 1930 г. В. Богданов отмечал, что, начиная с декабря 1929 г. (после VIII съезда ЦК ТНРП. — И. О.), самоликвидация монастырей приобрела массовый характер (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 58). Из 22 монастырей остались действующими не более 4–5. Самоликвидация хурэ сопровождалась массовым переходом ламской бедноты в светское состояние. В конечном итоге абсолютное большинство лам обратилось в светское состояние, а оставшиеся проживали вне монастырских стен в худоне. Утверждалось, что значительная часть ламства уже занимается сельским хозяйством.

По мнению В. Богданова, в Туве шаманизм имел большее распространение, чем ламаизм, поскольку «руководителями ламства являлись монгольские ламы» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 58). Из резолюций по докладу секретаря ЦК ТНРП (от 28.03.1931) следовало, что шаманство пользуется в аратских массах значительно большим влиянием и в последнее время (в связи с уменьшением роли лам) сравнительно укрепило свое положение. Поэтому планировалось развернуть широкую культурно-просветительскую (среди членов партии антирелигиозную) пропаганду, направляя ее не только против лам, но и

против шаманов. В борьбе с шаманством наряду с политическими (лишение избирательных прав) и «хозяйственными» (налогообложение, ограничение прав трудового землепользования и т. п.) мерами советовали сосредоточить основное внимание на постановке агитационно-пропагандистской работы (РГАСПИ. Ф.495, оп. 153, ед. хр. 44, л. 21).

На IX съезде ТНРП (20.02–10.03.1932) при рассмотрении ламского вопроса указывалось, в частности, что хуvaraков, уходящих из хурэ, партия, после предварительной проверки, принимала в колхозы и даже в свои ряды. Мол, партия, прибегая к разнообразным мерам для ограничения ламских привилегий (лишение избирательных прав и т. п.), руководствовалась директивами Коминтерна. Рассказывая о работе IX съезда, посланник Коминтерна М. Амагаев утверждал: сейчас можно сказать, что буддийская церковь в Туве пребывает в процессе «решительного» распада, — из 22 хурэ закрылись 21. Огромное большинство ламства покинуло монастыри — часть добровольно, часть — очевидно, в знак своего рода протеста против политики партии. В Туве осталось из более чем 2000 лам незначительное число, сохранившееся в одном хурэ. Ламы оставили хурэ, бросив все монастырское имущество: строения, скот и т. д. И теперь государству приходится охранять это имущество. Бывшие ламы отказываются заключать соглашения на выпас монастырского скота. Они заявляли, что покинули монастыри и никакого отношения к этому скоту уже не имеют (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 51, л. 103).

В то же время оборвать религиозные связи между Тувой и МНР тувинской власти удалось не сразу. Из некоторых документов, датированных 1930 г., узнаем, что тувинские араты часто приглашали из-за границы разных хубилганов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 33). Так, в «Кратком обзоре о работе Тувинской Аратской Рев. Партии по состоянию на 1.12.1930» В. Богданов, рассказывая про местное буддийское духовенство, упоминает о 3 хозяйствах лам-хубилганов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 65) (собственных хубилганов у тувинцев не было, по-видимому, речь шла о монгольских иерархах). В мае 1932 г. была проведена операция по обнаружению контрреволюционного элемента в приграничной (южной) полосе в связи с восстанием в Монголии. За время операции было раскрыто и ликвидировано шесть контрреволюционных групп. По словам чекистов, самым опасным элементом было ламство, которое, не разбито идейно и не уничтожено физически, составляя не менее 7–8% (принимая во внимание численность населения ТНР в этот период, речь может идти о цифре от 4900 до 5600 чел.) всего населения, ушло из хурэ в улусы и продолжает в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов. Раскрытие майской операции якобы показало, что основную организующую роль играло ламство как идейный вдохновитель вышеупомянутых групп. Так или иначе, но политика государства в религиозной сфере стала одной из причин протестного движения начала 1930-х гг. в Туве. 4 октября 1933 г. начальник

УГВПО отмечал: при проведении нового курса нужно учитывать новую линию МНР и особенно влияние ламства в приграничных районах и сообщал о случаях, когда тувинские ламы перебежали на монгольские территории и поклонялись монгольским ламам (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 60, л. 142).

Итак, на 1932 г. в ТНР функционировал 1 монастырь с 15-ю ламами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93). Но в результате больших восстаний в МНР и Туве, имевших место в первой половине 1932 г., тувинская власть, следуя советским директивам, прибегла к некоторой политической «оттепели» (т. н. «новому курсу»), что, в свою очередь, привело к оживлению среди ламства. По данным от 8 сентября 1934 г., в Туве функционировали уже 4 хурэ с приблизительно 100 ламами (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67, л. 93). В середине 1930-х гг. «всех лам, которые занимались своим духовным делом» насчитывалось 146 человек (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 148). С другой стороны, глава ЦК ТНРП С. Тока в одной из своих статей (1936 г.) отмечал, что хурэ на этот момент оставалось 4, а было 22, лам в них осталось 90 человек, а было 2000. Мол, ранее ламы пользовались огромным авторитетом как врачи, теперь их авторитет значительно упал (Тока, 1936: 188). В то же время есть информация (1935 г.), что некоторые партийцы в хошунах, несмотря на наличие рядом советской медицины, больше обращались к ламам (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 17). Вышеуказанные цифры показывают, по мнению автора, главным образом, количество лам и хувараков, проживавших при хурэ.

В одном из партийных документов (скорее всего 1936 г.) сообщалось, что наряду с ламством большую роль играют и шаманы, которые в последнее время оживились (в Тодже и других хошунах); их тогда насчитывалось в ТНР 290 человек (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 16, ед. хр. 61, л. 149–150). По данным, приведенным М. Монгуш, в 1936 г. в Туве было 594 ламы, в 1937 — 5 хурэ и 67 лам, которые к началу 1940-х гг. были уничтожены (Монгуш, 2001: 121).

В 1938 г. по Туве прокатилась новая волна репрессий, что не могло не сказаться на религиозном вопросе. По словам М. Монгуш, к началу 1940-х годов на территории Тувы практически не осталось ни одного хурэ; исключение составляли Верхне- и Нижнечаданский, которые, несмотря на то что здания их были полностью разрушены, продолжали функционировать, благодаря небольшой группе оставшихся лам (там же: 121). На момент вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) среди 80000 тувинцев насчитывалось, по данным МВД, 326 лам, а также 340 шаманов (РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, ед. хр. 1327, л. 13).

См. таблицу 1.

Таблица 1. Сангха периода ТНР в цифрах
Table 1. The Sangha during the PRT in figures

Сангха ТНР	1927/28	1928/29	1929/30	1932	1934	1935	1936	1937	1944
Лам	3400	2200	773	15	100	146	90	67	326
Мона- стырей	22	22	4–5 (на кон. 1930 г.)	1	4 (на сен- тябрь)	4	4	5	–
Скота у них	7.005 бодо	13.358 бодо	5.383 бодо	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Прим.: Указанные цифры (кроме колонки 1944 г.) показывают, по мнению автора, главным образом количество лам и хуvaraков, проживавших при хурэ. Цифры в колонке 1937 г. приводятся по: Монгуш, 2001: 121.

Заключение

В период ТНР процессы реформирования буддийской церкви намечались в рамках обновленческого движения, как и в буддийских автономиях СССР и МНР. Такие подходы в «ламском вопросе» были детерминированы фактором советского влияния в Туве (советское руководство рассчитывало при помощи обновленческого движения ослабить позиции буддийской церкви). Таким образом, модернизация в этом направлении инициировалась извне и руководствовалась политическими соображениями (хотя и была поддержана рядом авторитетных тувинских лам). Реформаторские замыслы не получили своего развития вследствие радикальных политических изменений в Туве, имевших место в 1930-е гг. и затронувших и религиозную сферу.

Приведенная статистика свидетельствует, что буддийская община пребывала в непосредственной зависимости от внутреннеполитического курса ТНР: от относительного благополучия во второй половине 1920-х гг., кардинального уменьшения лам и монастырей в конце 1920 — начале 1930-х (во время первой волны репрессий и карательной политики в религиозной сфере), некоторого восстановления сангхи в результате т. н. «нового курса» и до очередного упадка во время репрессий второй половины 1930-х гг. Восстания 1924-го и 1932-го гг. в Туве (значение последнего было усилено большим восстанием в МНР) вызывали некоторое смягчение государственной политики в религиозном вопросе.

В целом же основные направления религиозной политики ТНР и время их приведения в жизнь совпадают с аналогичными процессами в Бурятии, Калмыкии и МНР, что объясняется советским влиянием на политический курс как ТНР, так и МНР. Можно заключить, что небольшое количество тувинских монастырей и живущих при них лам послужило причиной для радикального реше-

ния государством вопроса с буддизмом в Туве еще в начале 1930-х гг., тогда как в других буддийских республиках сокрушительный удар по сангхе пришелся на вторую половину 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А. И. (1997) От Байкала до священной Лхасы: новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет) : сборник статей. СПб.; Самара; Прага : Агни. 338 с.

Герасимова К. М. (1995) О бурятской «буржуазной интеллигенции» начала XX века // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ : [б. и.]. С.20–27.

Дамдинов, А. В. (1997) Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. 200 с. С. 79–92.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М.; Л.: Молодая гвардия. 104 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Москаленко, Н. П. (2004) Этнополитическая история Тувы в XX веке. М. : Наука. 222 с.

Нацов, С. (1930) Правая опасность в Тувинской народно-революционной партии // Жизнь Бурятии. № 1. С. 101–108.

Отрощенко, И. В. (2014) Буддизм и политика в истории Тувы (о появлении института Камбы-ламы) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/173> (дата обращения: 12.06.2016).

Пальмбаха, А. (1935) К празднику национальной культуры в Туве // Революционный Восток. № 2 (30). С. 162–173.

Тока (1936) На культурном фронте Танну-Тувинской народной республики // Революционный Восток, № 2–3 (36–37). С. 185–189.

Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Тувинский гос. ун-т. 144 с.

Отрощенко, И. В. (2000) Ідеї «руху за оновлення» в Монголії (1920-ті рр.) // Східний світ. № 2. С. 175–181. (На укр. яз.)

Дата поступления: 15.07.2016 г.

REFERENCES

- Andreev, A. I. (1997) *Ot Baikala do sviashchennoi Lkhasy: novye materialy o russkikh ekspeditsiakh v Tsentral'nuiu Aziyu v pervoi polovine XX veka (Buriatiia, Mongoliia, Tibet)*. St. Petersburg; Samara; Prague, Agni Publ. 338 p. (In Russ.).
- Gerasimova, K. M. (1995) O buriatskoi "burzhuaznoi intelligentsii" nachala XX veka. In: *Natsional'naia intelligentsiia, dukhovenstvo i problemy sotsial'nogo, natsional'nogo vozrozhdeniia narodov Respubliki Buriatiia*. Ulan-Ude. Pp. 20–27. (In Russ.).
- Damdinov, A. V. (1997) Agvan Dorzhiev v obnovlencheskom dvizhenii buriatskogo buddiiskogo dukhovenstva. In: *Buriatskii buddizm: istoriia i ideologiia*. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ. Pp. 79–92. (In Russ.).
- Machavariani, V. and Tret'iakov, S. (1930). *V Tannu-Tuvu*. Moscow; Leningrad, Young guard Publ. 104 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI – konets XX v.)*. Novosibirsk, Nauka Publ. 200 p. (In Russ.).
- Moskalenko, N. P. (2004) *Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX veke*. Moscow, Nauka Publ. 222 p. (In Russ.).
- Natsov, S. (1930) Pravaia opasnost' v Tuvinskoii narodno-revoliutsionnoi partii. *Zhizn' Buriatii*, no. 1, pp. 101–108. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2014) Buddizm i politika v istorii Tuvy (o poiavlenii instituta Kamby-lamy). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/173> (access date 10.04.2016). (In Russ.).
- Pal'mbakh, A. (1935) K prazdniku natsional'noi kultury v Tuve. *Revoliutsionnyi Vostok*, no. 2 (30), pp. 162–173. (In Russ.).
- Toka (1936) Na kul'turnom fronte Tannu-Tuvinskoii narodnoi respubliki. *Revoliutsionnyi Vostok*, no. 2–3 (36–37), pp. 185–189. (In Russ.).
- Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike (1921–1944 gg.)*. Abakan, Tuva State University Publ. 144 p. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2000) Idei "rukhu za onovlennia" v Mongolii (1920-ti rr.). *Skhidnii svit*, no. 2, pp. 175–181. (In Ukr.).

Submission date: 15.07.2016.

Библиографическое описание статьи:

Отрощенко И. В. Сангха в контексте государственной политики Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 3. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/462> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Otroshchenko I. V. The sangha and the politics of People's Republic of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 3 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/462> (accessed: ...).